

Александръ Амфитеатровъ

ПАУТИНА

НАСЛЕДНИКИ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А63

Амфитеатровъ, А.

А63 Паутина. Наследники / А. Амфитеатровъ. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 134 с.

ISBN 978-5-521-06009-2

Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) – известный журналист и писатель своего времени, его прозу можно с уверенностью отнести к литературе исконно русской и талантливой.

Повесть «Наследники», входящая в состав романа «Паутина», – яркий пример прекрасного описания жизни общества переломной эпохи и отдельных его типов, ловко выхваченных из самой гущи разнообразных социальных слоёв того времени.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

I	5
II	15
III	28
IV	42
V	57
VI	69
VII.....	79
VIII	90
IX	195
X	103
XI	113
XII	123

*Поэту житейской правды
Александру Ивановичу КУПРИНУ
съ дружествомъ
и любовью посвящаю этотъ романъ,
Александръ Амфитеатровъ.*

I

Весною 190* года, въ холодныя и дождливыя сумерки, по тихой окраинной улицѣ очень большого губернскаго города тихо пробирался, — щадя свои резиновые шины отъ колдобинъ и выбоинъ мостовой и осторожно объѣзжая лужи, которыя могли коварно оказаться невылазными провалами, — щегольской «собственный» фэтонъ, везомый парой прекраснѣйшихъ гнѣдыхъ коней въ строжайшей вѣнской упряжкѣ, но съ русскимъ бородатымъ кучеромъ-троечникомъ на козлахъ. Сочетаніе получалось смѣшное, но экипажъ принадлежалъ мѣстному руководителю модъ, настолько признанному въ авторитетъ своемъ, что не только никто изъ встрѣчныхъ прохожихъ и профѣзжихъ господъ интеллигентовъ, но даже ни единый изъ дворниковъ у воротъ, либо верхомъ на доживающихъ вѣкъ свой, архаическихъ тумбахъ, и лавочниковъ въ дверяхъ лавокъ своихъ, ни единый и никто не смѣялись. Напротивъ, всѣ провожали фэтонъ взглядами одобренія и зависти: вотъ это, дескать, шикъ такъ шикъ! Смѣшно было, кажется, только самому хозяину фэтона, губернскому Петронію, *arbitre elegantiarum*. То былъ маленькій, горбатый человѣчекъ, съ огромною головою, покрытою превосходнымъ парижскимъ цилиндромъ, — *haut de forme, a huit reflets*, — а ниже сверкали подъ золотымъ пэнснэ умные, живые, семитическіе глаза, бѣлѣлъ тонкій длинный носъ малокровнаго больного человѣка, и роскошнѣйшая черная борода спускалась по груди на... русскій армякъ тончайшаго англійскаго сукна, украшенный... значкомъ присяжнаго повѣреннаго!..

— Вендль шикуетъ, — сказалъ, глядя на страннаго господина въ странномъ экипажѣ, изъ-за гераней, заростившихъ кособокія окна низенькой столовой, учитель городскаго, имени Пушкина, училища, Михаилъ Протопоповъ.

Тогда тощая, на зеленую кочергу похожая, жена его сорвалась изъ-за стола съ самоваромъ и бросилась къ окну, оставивъ безъ вниманія даже и то обстоятельство, что тяжело шмякнула о полъ дремавшаго на ея колѣняхъ, любимаго желтаго кота.

— А-а-а... скажите, пожалуйста... а-а-а..., — стонала она, покуда, медленнымъ и граціознымъ движеніемъ, точно танцуя на своихъ четырехъ колесахъ классическій босоногій танецъ какой-нибудь, эластически влачился мимо оконъ учительскихъ безукоризненный вѣнскій экипажъ. — Ну, до чего-же, однако, люди въ прихотяхъ своихъ доходятъ!.. удивленія достойно... а-а-а...

Супругъ внимательно гладилъ кустистую рыжую бороду и, не то съ сожалѣніемъ, не то съ умиленною гордостью, повторялъ:

— Шикуетъ, Вендль, шикуетъ... Жжетъ батькины денежки... Только, братъ, дудки! Сколько ни состязайся, Эмильки тебѣ не перешиковать...

Супруга безпокойно оглянулась на дверь въ кухню и, убѣдившись, что она плотно заперта, сказала мужу съ упрекомъ:

— Ты бы, Михаилъ, потише...

— А что? — присосанился учитель Протопоповъ, услышавъ въ голосъ жены

привычную ноту житейскаго трепета, на которую онъ, въ качествѣ мужчины, интеллигента и выборщика, долженъ приготовить привычную же ноту мужественнаго гражданскаго протеста. — Что я сказалъ особеннаго? Кажется, ничего.

— То, что нехорошо: какая она намъ съ тобою Эмилька? Не сломаешь языкъ назвать и Эмилией Ѳедоровной.

— Очень надо! Не велика пани. Обыкновеннѣйшая помпадурша изъ сочиненій Щедрина.

— Ужъ этого я не знаю, изъ какихъ она сочиненій, но только Воздуховъ вылетѣлъ изъ-за нея со службы по телеграммѣ изъ Петербурга. А потомъ едва уклоняли ее, чтобы генераль-губернаторъ простилъ, оставилъ его въ предѣлахъ губерніи. А Воздуховъ былъ не тебѣ чета: податной инспекторъ, со связями, свой домъ...

Учитель Протопоповъ взглянулъ на жену съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ ея бабьему робкому разуму и возразилъ:

— Сравнила! Воздуховъ гулялъ передъ ея окнами въ пьяной обнаженности и, съ мандолиною черезъ плечо, спѣлъ ей испанскую серенаду. Это публичный скандалъ и притомъ было среди бѣлаго дня. За это, братъ, кого угодно. Каковъ ни есть нашъ городъ, но голымъ ходить по улицамъ и на мандолинѣ бряцать податному инспектору не полагается... А я что-же? Я въ четырехъ стѣнахъ...

— А, вотъ, подслушаетъ кто-нибудь, — такъ и будутъ тебѣ стѣны.

— Ѳедосья, что-ли, донесетъ?

— А то нѣтъ? — зловѣще кивнула госпожа Протопопова лысоватымъ пробормъ бурыхъ и жиденькихъ волосъ своихъ. — Акцизный Ѳедоровъ черезъ кого въ политикѣ увязъ? Катька, горничная, любовника-сыщика имѣла. Ну, и обличилъ.

— Ну, тамъ политика... А я, кажется...

— То-то... кажется! — со вздохомъ заключила учительша, отходя отъ окна, такъ какъ интересный экипажъ уже исчезъ изъ виду за угломъ, и вновь подбирая на колѣни обиженнаго кота своего.

— Это Вендль опять къ Сарай-Бермятовымъ поѣхалъ, — сказалъ супругъ, присаживаясь къ самовару. — Часто ѣздитъ.

— Друзья съ Симеономъ Викторовичемъ-то, — почему-то вздохнула учительша, передавая мужу дымящійся стаканъ. — Съ университета товарищи.

— Товарищи! — недовѣрчиво ухмыльнулся учитель. — А я такъ думаю: онъ тамъ больше по барышенской части. Ты, Миня, не гляди на него, что онъ горбатый и, съ виду, въ чемъ душа держится. Этакого другого бабника поискать. Онъ, да еще вотъ Мерезовъ Васька. Два сапога пара — аѳинскія ночи-то устраивать.

— Для аѳинскихъ ночей извѣстно, кого нанимаютъ, — перебила учительша, не безъ досады. — А къ благороднымъ барышнямъ съ подобными пошлыми намѣреніями мужчина обратиться не можетъ. Это глупо и бесполезно — то, что ты говоришь. А ужъ въ особенности, что касается Сарай-Бермятовыхъ. Слава Богу, съ малолѣтства ихъ знаемъ. Аглаечка, конечно, красавица, и соблазнъ ей отъ вашей мужнинской козлящей породы предстоить многій. Но характеръ у нея совсѣмъ не такой категоріи, чтобы какой-нибудь бабникъ вокругъ нея пообѣдалъ. Дѣвушка серьезная, — хоть Богу не молится, а живетъ святѣй иной монашенки. А Зочка еще ребенокъ, — что ей? Много, если пятнадцать минуло... Да и собой нехороша.

— Ребенокъ-то ребенокъ, — возразилъ супругъ съ нѣсколько сконфуженною язвительностью, — но въ какой гимназіи этотъ ребенокъ воспитаніе свое получаетъ?

Госпожа Протопопова насторожилась:

— Извѣстно, въ какой: у Авдотьи Васильевны... Чѣмъ гимназія нехороша?

Протопоповъ захихикалъ надъ стаканомъ своимъ:

— Сегодня въ «Глашатаѣ» видѣль замѣтку, будто у китайцевъ въ Пекинѣ въ женской школѣ имени Лао Цзы открыта «лига любви»... Вотъ они каковы, ребенки то ваши!

Госпожа Протопопова, въ волненіи, поставила чашку на блюдце, всплеснула худыми руками и трепетно опустила ихъ на кота своего, который, сквозь дремоту, вообразилъ, будто его ласкаютъ, а потому пренѣжно замурылькалъ. А Протопоповъ многозначительно сказалъ:

— То-то вотъ и оно то... Эмилиі Оедоровны школа... Прежде, чѣмъ въ помпадурши свихнуться, сколько времени она у Сарай-Бермятовыхъ гувернанткою была?.. Ну-ка, посчитай.

Не получивъ отъ взволнованной супруги отвѣта, онъ вздохнулъ и продолжалъ, обжигаясь въ мѣрныхъ перерывахъ горячимъ чаемъ.

— Но, тѣмъ не менѣе, относительно Вендля я, дѣйствительно, такъ полагаю, что понапрасну мальчикъ ходитъ, понапрасну ножки бьетъ... Еще, если бы годъ, два тому назадъ, то, по тогдашней бѣдности Бермятовыхъ, можетъ быть, и очистилось бы ему что нибудь...

— Женатому то? — съ негодованіемъ воскликнула супруга, и костлявые пальцы ея непроизвольно вонзились въ кота съ такою силою, что тотъ взвизгнулъ и, хвостъ трубою, дернулъ отъ хозяйки, однимъ прыжкомъ, черезъ всю комнату, на триповый синій диванъ. — Женатому то? Да ты, Михайль, съ ума сошелъ! Ты въ развратномъ настроеніи ума!

Но Михайль вдругъ почувствовалъ подъ собою твердую почву и осѣнился вдохновеніемъ къ радикальнымъ идеямъ.

— Другъ мой Миня! — прочувствованно воскликнулъ онъ, — при нынѣшнемъ торжествѣ гражданского брака и расшатанности моральныхъ устоевъ, какое препятствіе можетъ быть бѣдной дѣвушкѣ въ дилеммѣ: ухаживаетъ за нею холостой женихъ или женатый претендентъ?.. Теперь, конечно, все это — другой коленкоръ. Какъ скоро Симеонъ Викторовичъ отвоевалъ дядюшкино наслѣдство, — теперь, братъ, шалишь! Теперь дѣвицы Сарай-Бермятовы будутъ первыя по городу невѣсты... Поль-милліона, чистоганчикомъ, хватили Сарай-Бермятовы! Шутка! Теперь Аглаю съ Зоею женихи наши съ руками рвать будутъ...

— Наслѣдство прекраснѣйшее, — съ осторожностью замѣтила скептическая супруга, — но вѣдь Аглаи съ Зоей оно мало касается. Я слыхала такъ, что главный капиталъ назначенъ по завѣщанію ему — Симеону, а сестрамъ и прочимъ братьямъ оставлено всего по несколько тысячъ...

— Ну, все-таки! По нынѣшнимъ нашимъ губернскимъ временамъ, когда невѣста стала дешевая, а женихи вздорожали, — и то хлѣбъ!..

Тѣмъ временемъ Вендль — господинъ въ армякъ и въ цилиндрѣ, возбуждавшій эти супружескіе — господъ Протопоповыхъ — разговоры, подѣхалъ въ вѣнскомъ экипажѣ своемъ съ русскимъ кучеромъ на козлахъ къ длинному, какъ

казарма или больница, одноэтажному дому, за заборомъ съ гвоздями, надъ которыми розгами торчали частые, еще безлистые тополя, а за тополями чернѣли стеклами, далеко не всегда цѣлыми, далеко не весьма опрятныя окна. По деревяннымъ мосткамъ, вдоль забора этого, спѣшно шагаль высокій господинъ, тоже въ армякѣ и въ цилиндрѣ, точнѣйше скопированныхъ съ Вендля: только значка присяжнаго повѣреннаго не доставало, да матеріаль одежды былъ грубѣе и хуже, дешевѣйшій. Увидавъ Вендля, господинъ всю фигуру своею выразилъ и смущеніе, и гордость перваго счастливаго подражателя и гоголемъ шелъ мимо, пока не исчезъ въ сѣрыхъ сумеркахъ, которыя лишь теперь и очень вдали, въ туманномъ центрѣ города, подъ горою, начали пестриться электрическими фонариками. Вендлю стало совсѣмъ весело.

— Максимъ! — окликнулъ онъ кучера слабымъ, звенящимъ, дѣвичьимъ почти, голосомъ.

— Чего изволите? — откликнулся тотъ съ козель, не оборачивая бородатаго лица.

— Видѣль?

Тотъ помолчалъ и сказалъ:

— Видѣль.

— Хорошъ?

— Чего лучше!

Вендль залился тоненькимъ дробнымъ стекляннымъ смѣхомъ, грустнымъ, нѣжнымъ и переливчатымъ, — какъ тритоны звенять въ лѣтнихъ болотахъ.

— Выросъ въ соборную колокольню, а — увидаль на горбунчикѣ Вендлѣ цилиндръ и армякъ. — сейчасъ же и повѣрилъ, что такъ надо, и — давай себѣ!.. Экой дуракъ! Вотъ дуракъ! Ты не знаешь, кто такой?

Максимъ подумаль и улыбчивымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Да, кажись... какъ его, бѣса?.. Въ желѣзнодорожной конторѣ служить... Антифоновъ, что ли... песь ли ихъ разбереть!

Вендль еще ярче залился смѣхомъ, отчего звукъ смѣха сталъ еще грустнѣе, и продолжалъ:

— Ну, скажите, пожалуйста! Антифоновъ!.. Поповичъ по фамиліи, а за жидомъ тянется... Если мы съ тобою, Максимъ, еще съ недѣлку поѣздимъ такъ по городу, ты увидишь: всѣ наши здѣшніе чудаки вырядятся намъ подобными гороховыми шутами... А? Максимъ?

Максимъ качнулъ кучерскою своею шляпою съ павлиньими перьями и отвѣчалъ равнодушнымъ басомъ:

— Стадо-народъ... Чего отъ нихъ ждать?... А ужъ вы тоже, Левъ Адольфовичъ! Только бы вамъ соорудить дурака изъ каждаго человѣка...

— Развѣ я строю, Максимъ? — звенѣль тритоннымъ смѣхомъ своимъ Вендль. — Сами строятся... Я только произвожу опыты. Глупость и пошлость тутъ сами прутъ изнутри. Я только готовлю формы, да подставляю ихъ подъ кранъ. Какую форму ни подставь, сейчасъ же полна сверхъ краевъ. Развѣ же не смѣшно? Максимушко! другъ единственный! Знаешь, что я тебѣ скажу! Придумаль я...

— Мало ли у васъ придумокъ, — усмѣхнулся въ бороду свою Максимъ.

— Собственно говоря, я вру. Собственно говоря, не придумаль, но вычиталь въ книжкѣ Эдгара По. Помнишь, мы однажды пили портвейнъ, и я читаль тебѣ

вслухъ «Паденіе дома Ашеровъ» — о братѣ, который нечаянно похоронилъ живую свою любимую сестру? Такъ вотъ этого же самаго писателя... Слушай, Максимъ! Давай — въ слѣдующемъ мѣсяцѣ — обваляемся въ пакль и шерсти и въ этомъ самомъ воть фэтонѣ... или нѣтъ! чортъ съ нимъ! лучше съѣздимъ въ имѣніе къ Фальцъ Фейну и купимъ пару ѣздовыхъ страусовъ. Такъ больше стилиа: выѣдемъ двумя обезьянами, въ шерсти и пакль, на одноколкѣ, запряженной парой страусовъ.

— Эка васъ разбираетъ!

— Да вѣдь ты пойми, — завизжалъ Вендль, — ты пойми же, Максимъ: вѣдь — черезъ недѣлю послѣ того, ну, много двѣ недѣли, — въ городѣ не останется ни одного человѣка: однѣ обезьяны будутъ ходить... въ шерсти и пакль... однѣ обезьяны! Вѣдь это же надо будетъ умереть со смѣха.

— Полиція, чай, не позволить, — возразилъ Максимъ.

— Да, вотъ, развѣ что полиція! — пожалѣлъ Вендль.

Смѣясь и качая головою, вышелъ онъ, маленькій, горбатенькій, изъ экипажа и пошелъ къ калиткѣ каменныхъ, съ облупившеюся штукатуркою, воротъ, надъ которыми еще виднѣлись постаменты разрушенныхъ львовъ. Толкнулъ калитку ногою и, по кирпичному выбитому тротуару, направился, хромя, къ дворовому крыльцу того стараго, длиннаго, казарменнаго дома... Было оно съ навѣсомъ и сѣнцами, точно опущенная крыша громаднаго старомоднаго тарантаса.

Вендль давно зналъ, что въ этомъ домѣ не звонятъ и не стучать, а прямо входятъ, кто къ кому изъ обитателей пришелъ, ибо двери никогда не заперты, и обитателямъ рѣшительно все равно, когда, кто и какъ ихъ застанетъ. Изъ передней, гдѣ, на ворохѣ наваленнаго платья, весьма сладко спала довольно неприглядная дѣвчонка-подгорничная, которую приходъ гостя нисколько не потревожилъ, Вендль осторожно, изъ-за дверной притолоки, стараясь быть невидимымъ, заглянулъ въ заль, откуда слышался бодрый шумъ юныхъ голосовъ, взрывы молодого хохота. Съ дюжину молодыхъ людей — студенты въ тужуркахъ, молодые военные, офицеры и вольноопредѣляющіеся, въ дешевыхъ мундирахъ, барышни, похожія на курсистокъ и начинающихъ драматическихъ актрисъ, — сумерничали въ папиросномъ дыму вокругъ стола съ самоваромъ... Одинъ — длинноногий, не мундирный, въ очкахъ — влѣзъ на столъ и, съ серьезнымъ лицомъ жреца, отправляющаго таинство, зажегъ висячую лампу-молнію, стоически вынося помѣху со стороны двухъ, не весьма красивыхъ дѣвицъ, которыя дергали его за ноги. Вендлю захотѣлось войти въ веселый кругъ рѣзвой молодежи. Но онъ вспомнилъ, что сейчасъ онъ пріѣхалъ въ этотъ домъ по серьезному дѣлу и, слегка вздохнувъ про себя, постарался остаться незамѣченнымъ и заковылялъ изъ передней не въ заль, но въ длинный бѣлый корридоръ, опять таки говорившій не столько о жиломъ семейномъ домѣ, сколько о больницѣ или арестантскихъ ротахъ, либо казенномъ пріютѣ, что ли, какомъ нибудь для матросскихъ или солдатскихъ сиротъ.

Минувъ двѣ затворенныя двери, Вендль остановился у третьей и, на этотъ разъ, постучалъ. Отвѣта не послѣдовало, но, когда Вендль терпѣливо постучалъ во второй разъ, дверь распахнулась, и, на порогѣ ея, въ сильномъ бѣломъ свѣтѣ ацетиленовой лампы, появился самъ хозяинъ этого длиннаго, стараго, скучнаго дома — Симеонъ Викторовичъ Сарай-Бермятовъ. Нахмуренный и недовольный, что его потревожили, съ привычною сердитою складкою между густыми бровя-

ми, какъ черными пѣвками, на желтомъ лбу желчнаго, сорокалѣтняго лица, онъ нѣсколько проявился, узнавъ Бендля. Черные, безпокойные глаза повеселѣли. Замѣтно было, что этотъ сухощавый, средняго роста, стройный брюнетъ когда то былъ очень красивъ, да еще и сейчасъ можетъ быть красивъ, если захочетъ, — несмотря на начинающую свѣтиться со лба лысину. Черты лица сухи, но благородны и почти правильны; только легкая расширенность скулъ выдаетъ старую примѣсь татарской крови. Голова на широкихъ плечахъ сидитъ гордо и мощно, движенія тѣла, въ красивомъ и изящно сшитомъ темно-синемъ, почти черномъ костюмѣ, смѣлы, сильны и гибки. Словомъ, былъ бы молодцомъ хоть куда, лишь бы избавились глаза его отъ тревожнаго выраженія не то гнѣва, не то испуга, точно человѣкъ этотъ — не то обдумываетъ преступленіе, не то только что сейчасъ укралъ у сосѣда часы и ищетъ въ каждомъ новомъ лицѣ сообщника, какъ бы ихъ спрятать. Подъ гнетомъ же этого выраженія, лицо Симеона Сарай-Бермятова производило довольно отталкивающее впечатлѣніе, особенно, когда правую щеку его начиналъ подергивать нервный тикъ. Подъ острымъ, пронзительнымъ взглядомъ его, принимавшимъ, по мѣрѣ его любопытства къ разговору, почти лихорадочный блескъ, становилось непріятно и тяжело, такъ что долгой бесѣды съ Симеономъ Сарай-Бермятовымъ никто почти не выдерживалъ. Въ обществѣ губернскомъ этотъ господинъ далеко не пользовался любовью. Вендль, одинъ изъ немногихъ, умѣлъ приблизиться къ этому непривѣтливому, нелюдимому, съ темною душою, существу. И Симеонъ Сарай-Бермятовъ тоже, по своему, любилъ Вендля, вѣрилъ ему, насколько умѣлъ, и почти всегда былъ радъ его видѣть.

Комната, въ которую Симеонъ ввелъ Вендля, была довольно неожиданна въ такомъ старомъ, некрасивомъ и облупленномъ снаружи домѣ, ибо наполняла ее не только большой и умѣлый, со вкусомъ сдѣланный, кабинетный комфортъ, но было даже не безъ претензій на хорошую дорогую роскошь... Вендль сразу замѣтилъ, что хозяинъ не весьма въ духѣ, и, какъ опытный врачъ этой мрачной души, сейчасъ же принялся «разрѣжать атмосферу». Медленно снимая армякъ свой, — онъ неугомонно звенѣлъ ритоннымъ своимъ смѣхомъ.

— Извини, Симеонъ Викторовичъ, что я вхожу въ твое святилище въ этой хламидѣ. Но — откровенно говоря: вестибюль вашъ въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что страшно оставить тамъ верхнее платье. Во первыхъ, ваша дѣвственница — какъ ее? Марѣутка? Михрютка? — имѣетъ обыкновеніе избирать пальто гостей ложею своихъ отдохновеній. Это еще не такъ важно, но дѣвственница — чудовище признательности. Всякій разъ, что она выпиты на моемъ плащѣ, она непременно, въ благодарность, оставляетъ въ немъ двухъ-трехъ клоповъ. А они потомъ выползаютъ здороваться съ публикою въ самые неожиданные моменты, нисколько не заботясь, кстати они или нѣтъ. Въ послѣдній разъ было на скетингѣ, — третьяго дня, благотворительный праздникъ въ пользу новорожденныхъ глухонѣмыхъ. Подлецъ выползъ на воротникъ и непременно желалъ, чтобы я его представилъ генераль-губернаторшѣ, съ которою я велъ эстетическій разговоръ о превосходствѣ Брюсова надъ Блокомъ. Если-бы, не мое израильское происхожденіе, оно еще куда бы ни шло. Клопъ на россиянинѣ, — на тебѣ бы, напримѣръ, — это что-то даже стильное, патриотическое, истинно-русское. Но клопъ на нашемъ братѣ, жидо-масонѣ, это уже вызывающая претензія, персонажъ изъ буренинскаго фельетона. Затѣмъ: у васъ бывая,